

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПАДЕНИЕ СИЛЬВЕСТРА И АДАШЕВА

В 1560 году произошло удаление из состава правительства Сильвестра и Алексея Адашева. Исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению о причинах падения вчерашних любимцев. Точки зрения высказываются самые разные: от «домашних недоразумений» до споров о дальнейшем направлении реформ и продолжении Ливонской войны. Считается также, что правители лишились поддержки дворянства, которое было недовольно засильем бояр в высшем управлении.

Однако, вероятно, не было какой-то одной причины, которая и вызвала падение Сильвестра и Адашева. Скорее всего, недовольство царя накапливалось постепенно, в течение ряда лет, а непосредственный повод уже не имел принципиального значения. Как же развивались события?

Выше уже писалось о том, что Избранная рада не была единым правительством, а группой советников, образование которой было вызвано сложной ситуацией, сложившейся в конце 1540-х годов. Причем члены Рады в своей деятельности опирались на различные группы, интересы которых они и отстаивали. В условиях того времени юный, не имевший политического опыта, не знакомый с управлением страной Иван IV оказался вынужденным прислушиваться к их советам. Однако никакого формального, юридического оформления создавшегося положения не было, поэтому положение деятелей Рады

полностью зависело, с одной стороны, от сил, поддерживающих их, а с другой — от личного расположения к ним царя. Расположение же монарха в любой момент могло измениться — он вырослел, мужал, набирался опыта в управлении страной и к концу пятидесятих годов был далеко уже не тем юношей, каким десять лет назад. Вырос и его авторитет среди населения, в чем огромную роль сыграло присоединение Казани и Астрахани. Наконец, у Ивана IV сложилось собственное представление о том, как нужно управлять страной, и о своей роли в жизни государства. А эти представления, вероятно, не совпадали с тем, что было в действительности. В таких условиях можно лишь удивляться тому, что деятели Рады смогли так долго удержаться в его окружении, особенно учитывая то, что среди различных группировок вокруг Грозного, безусловно, были их противники.

Царь в своем послании Курбскому, написанном через несколько лет после удаления недавних любимцев, среди их проступков упоминает то, что они принимали решения втайне от него, не спрашивая его повеления. Но наиболее невыносимым Грозному должно было казаться подчинение многочисленным бытовым правилам, которые, учитывая его бурную юность, казались невыносимыми. По его словам, его воспринимали как «младенца» и ограничивали в пище и сне. Мало того, Сильвестр пугал царя «детскими страшилы» — всякими наказаниями от Бога в случае невыполнения определенных рекомендаций*. Однако пока Грозный был уверен в личной преданности своих советников ему и его семье, он мог терпеть подобные ограничения, тем более считая их необходимыми и справедливыми. Постепенно положение должно было измениться. И изменения эти были связаны с событиями 1553 года, с царской болезнью, выявившей то, что среди близкого окружения есть лица, недостаточно преданные и ему лично, и его наследнику.

Сам факт тяжелой болезни Ивана IV в марте 1553 года не подлежит сомнению, однако события, сопровождавшие эту болезнь, известны лишь из так называемых «приписок» к летописи, сделанных спустя годы после болезни, и краткого упоминания в послании царя Курбскому. Но скудость источников не может поставить под сомнение сами факты, изложенные на их страницах.

Итак, по летописи, после крещения пленного казанского хана Едигера, произошедшего в конце февраля 1553 года, 1 марта царь тяжело

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 30–31, 43.

Приведение бояр к присяге в 1553 г.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

заболел и «бысть болезнь его тяжка зело, мало и людей знаяше, и тако бяше болен, яко многим чаяти: х концу приближися». В забытьи Иван IV не узнавал людей, и в любой момент ожидали кончины правителя. Была составлена духовная грамота (завещание), в котором наследником провозглашался царевич Дмитрий, родившийся лишь за несколько месяцев до описываемых событий — в октябре 1552 года. После составления завещания перед царем были приведены к «крестному целованию» ближние бояре и дворяне «у государя в думе», среди них находился и Алексей Адашев. Из всех особо приближенных крест не целовали лишь боярин князь Дмитрий Курлятев и казначей Никита Фуников, которые были больны. Однако затем выяснилось, что «больные» тайно ссылались с князем Владимиром Андреевичем Старицким — двоюродным братом Грозного и его матерью княгиней Ефросиньей.

Опасность таких контактов в момент болезни заключалась в том, что Владимир Андреевич был потенциальным наследником в случае отказа от кандидатуры царевича Дмитрия. Родной брат Грозного Юрий Васильевич в расчет даже не принимался, так как всем было

понятно, что он неполноценен. Еще один боярин — свояк царя по брату Юрию, на дочери которого он был женат, — князь Дмитрий Палецкий, только что принесший присягу Дмитрию, тем не менее передал Старицким, что если князю Юрию Васильевичу выделят удел, то он готов поддержать кандидатуру Владимира Андреевича.

Само удельное семейство вело себя крайне подозрительно — своим детям боярским выдавали жалованье, что можно было расценить как стремление заручиться поддержкой военной силы в случае каких-либо осложнений. На это и указали преданные Грозному бояре, которые стали принимать меры к недопущению князя Владимира к больному царю. Подобные меры вызвали недовольство Сильвестра, заявившего о том, что «брат вас, бояр, государю доброхотнее». Подобный демарш благовещенского священника летопись объясняет его «великой любовью» к удельной семье.

Дальнейшие события происходили 2 марта. Все собравшиеся во дворце бояре должны были целовать крест царевичу Дмитрию (кроме ближних бояр, принесших присягу вечером 1 марта). Но в отличие от ближних бояр все остальные должны были целовать крест не перед самим Грозным, а в передней избе, так как царю «при себе их приводит к целованию истомно». Это вызвало протест некоторых бояр. Так, князь Иван Михайлович Шуйский заявил, что приносить присягу можно лишь перед самим царем, а окольный Федор Григорьевич Адашев (отец Алексея) сказал о том, что было, вероятно, на уме у многих, — они целуют крест именно Дмитрию, а не Захарьиным. Тут надо пояснить, что само завещание Грозного до нас не дошло, но, очевидно, до взросления своего сына Дмитрия он передавал регентские полномочия своей жене царице Анастасии и ее близким родственникам боярам Захарьиным-Юрьевым — Василию Михайловичу и Даниле Романовичу. Федор Адашев же заметил, что «мы уже от бояр до твоего възрасту беды видели многия». После этого «бысть мятеж велик и шум и речи многия в всех боярех, а не хотят пеленочнику служить». Часть бояр, принеся присягу накануне, вступила в спор с сомневающимися, требуя выполнения царской воли.

Видя «боярскую жестость», царь обратился к присутствующим с речью, в которой напомнил о том, что они неоднократно целовали крест ему и обещали не «искать» других государей, кроме его наследников. Служить же он приказывает не Захарьиным, а своему сыну Дмитрию. Если же не хотят младенцу служить, то не будут честно служить и взрослому, «и коли мы вам ненадобны, и то на ваших

душах». Иван IV особо обратился и к тем боярам, которые уже принесли присягу: «и ныне бояре сына моего на государстве видети не хотят... не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычаяи, побежити с ним в чужую землю, где Бог наставит». Досталось и Захарьиным, не проявившим, видимо, особой активности в том, чтобы добиться принесения присяги: «А вы, Захарьины, чего испужалися? али чаяте, бояре вас пощадят? вы от бояр первые мертвецы будете! и вы бы за сына за моего да и за мать его умерли, а жены моей на поругание бояром не дали!»

После этого, по сообщению летописи, пристыженные бояре отправились в переднюю избу целовать крест. Однако и здесь все прошло не так гладко. Уже впоследствии, спустя долгое время, от боярина Ивана Петровича Федорова и окольного Льва Салтыкова царь узнал, что некоторые бояре не хотели приносить присягу. Среди них источник называет Ивана Пронского, Петра Щенятева, Семена

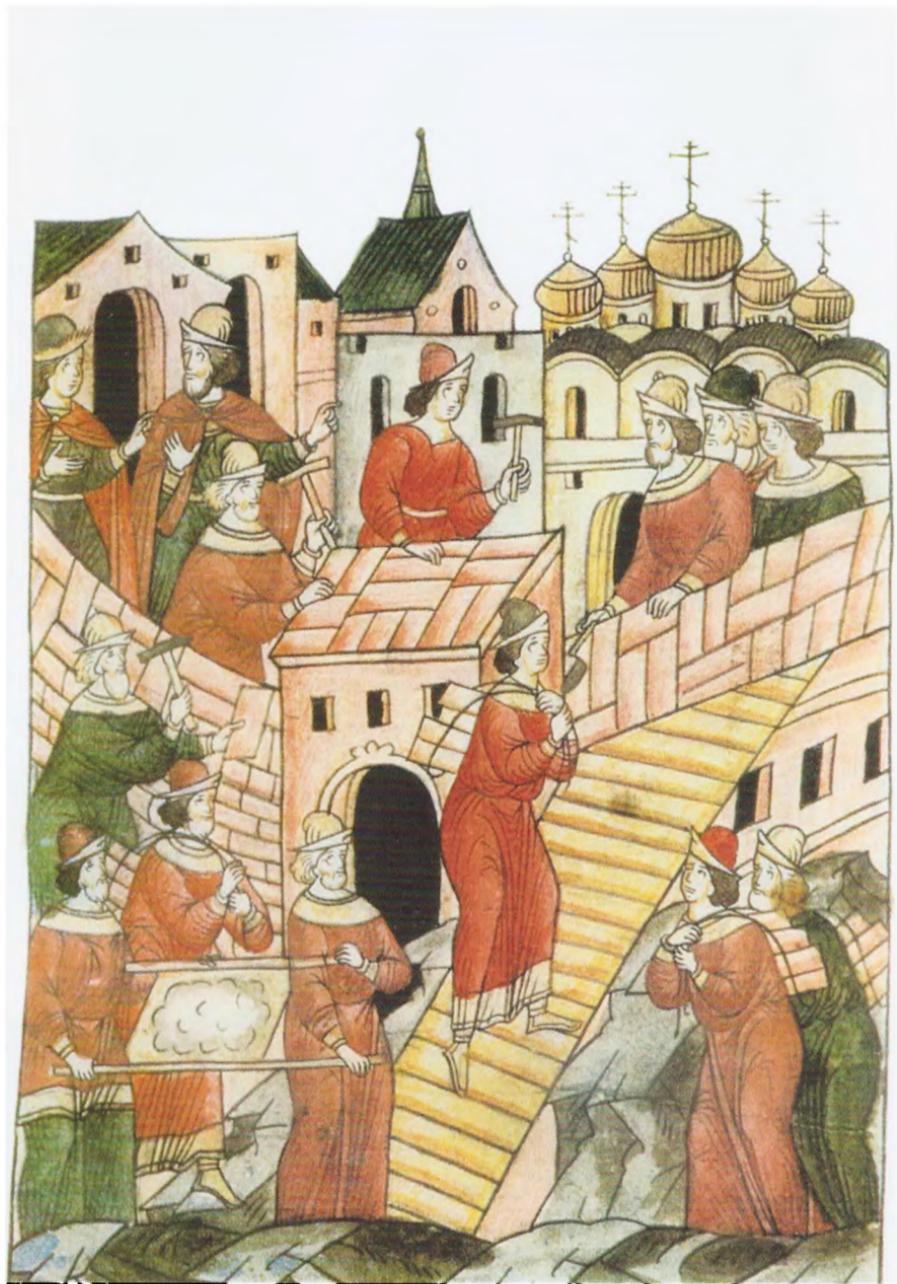
Доспехи князя Владимира Андреевича Старицкого
XVI в.

Церковь Вознесения в Коломенском
Возведена в 1530–1532 гг.

Иосифо-Волоколамский монастырь
XVI–XVII вв.

Строительство каменных стен Московского Кремля
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

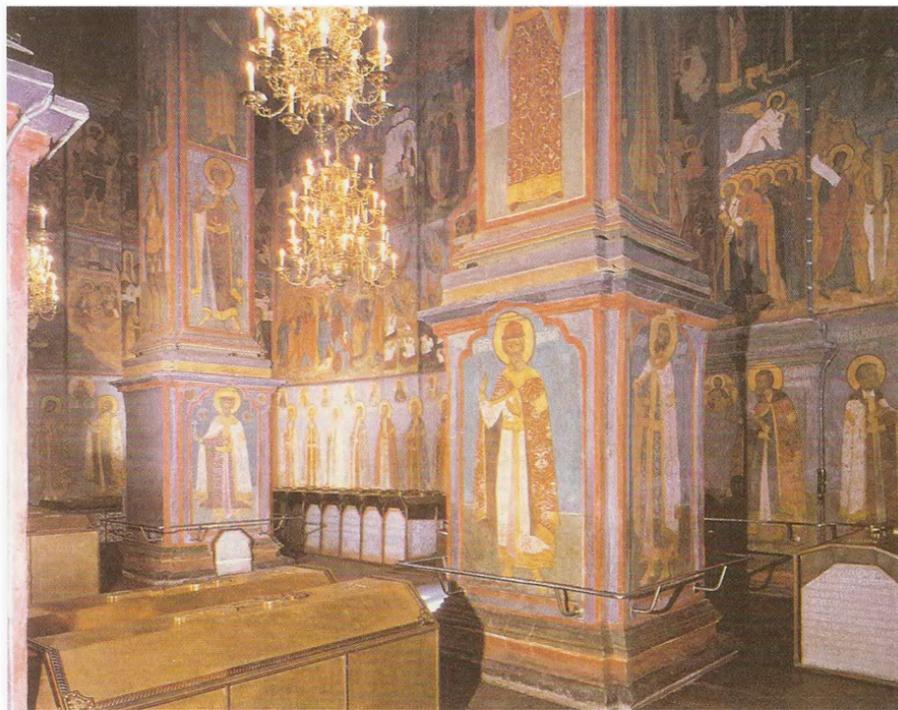
Стены Московского Кремля. Оружейная (Конюшенная) башня
Возведена в 1493–1495 гг.

Вид на колокольню Ивана Великого со стороны Соборной площади
Возведена в 1505–1508, 1600-е гг.

Интерьер Архангельского собора Московского Кремля

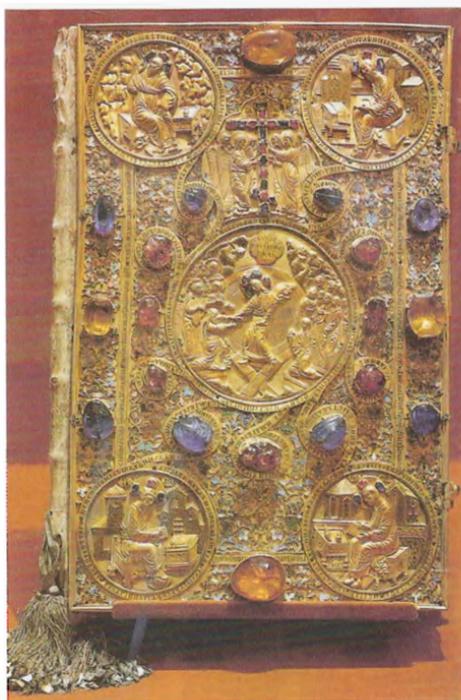
Роспись Архангельского собора Московского Кремля

Византийский император Михаил VIII Палеолог
Фреска Архангельского собора Московского Кремля. XVII в.

Василий Блаженный
Икона XVI в.

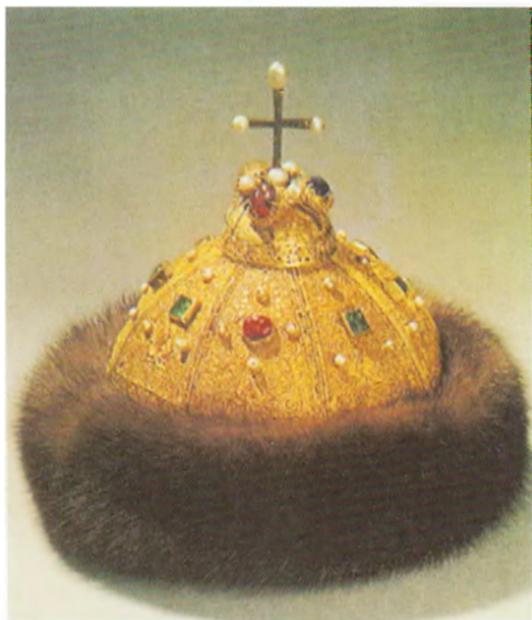

Евангелие. Рукопись и оклад 1571 года.
Вклад царя Ивана Грозного в Благовещенский собор Московского Кремля

«Мономахов трон».

Царское место Ивана IV в Успенском соборе Московского Кремля
Середина XVI в.

«Шапка Мономаха»
Восточная работа конца XII – начала XIV вв.

Символы власти русского государя: шапка Казанская, скипетр, держава
XVI в.

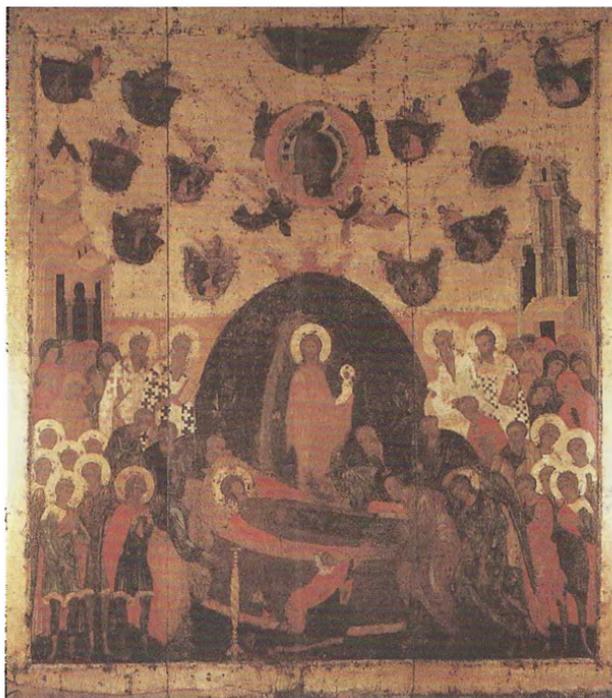
Церковь Ризоположения Московского Кремля
Возведена в 1484–1485 гг.

Успенский собор Московского Кремля
Возведен в 1475–1479 гг.

Внутренний вид Успенского собора Московского Кремля

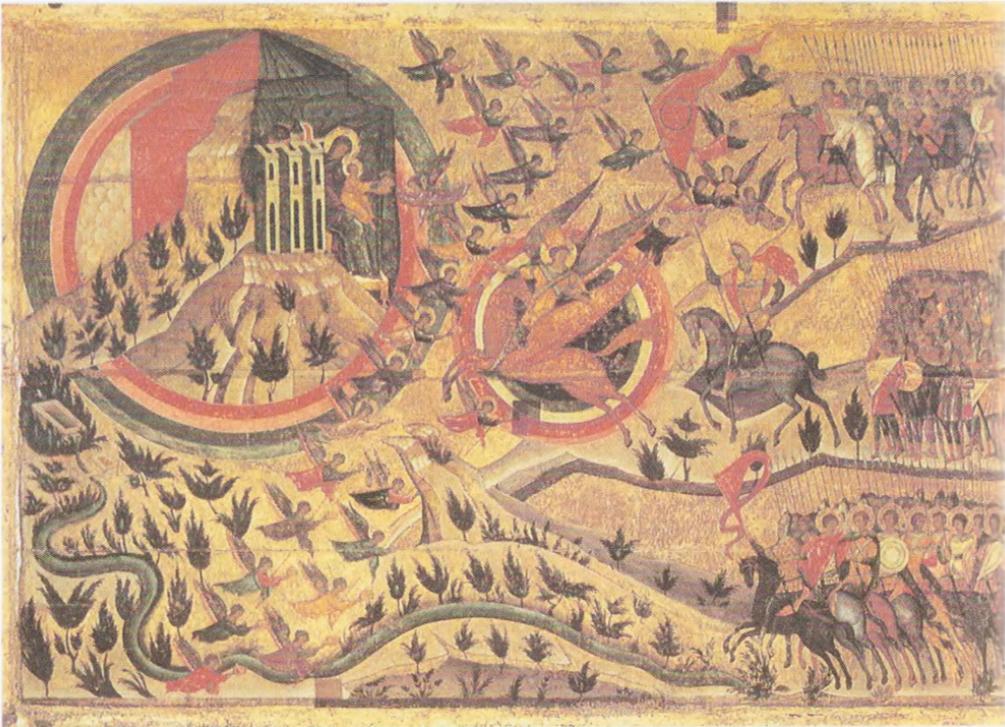
Успение Богородицы. Икона Успенского собора Московского Кремля

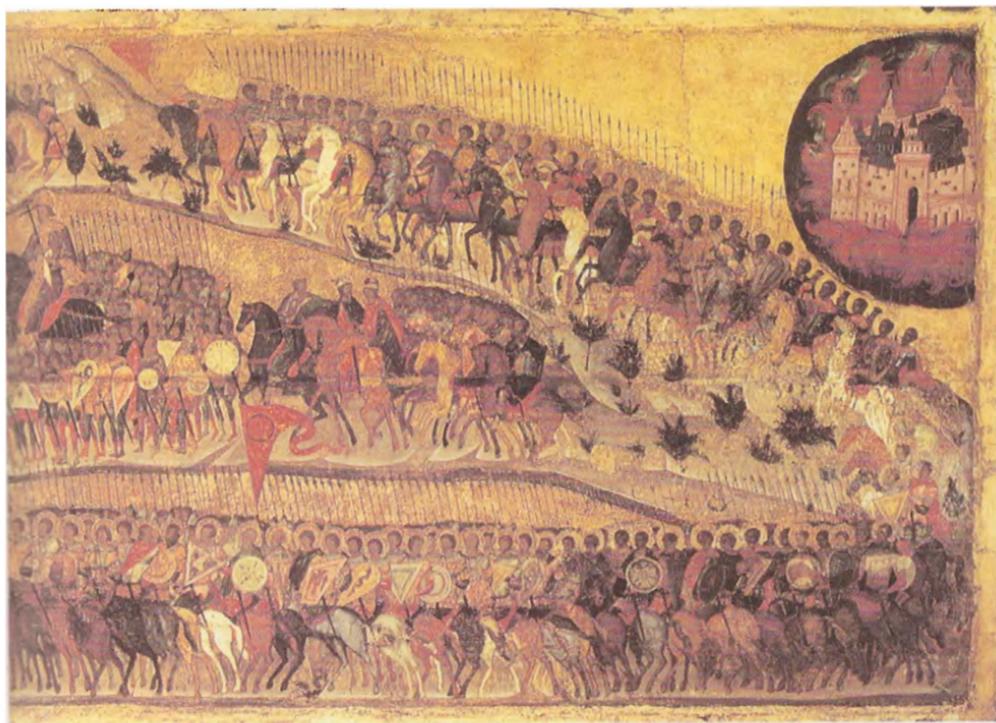

Четырехчастная икона
Середина XVI в.

Рождество Богоматери
Начало XVI в.

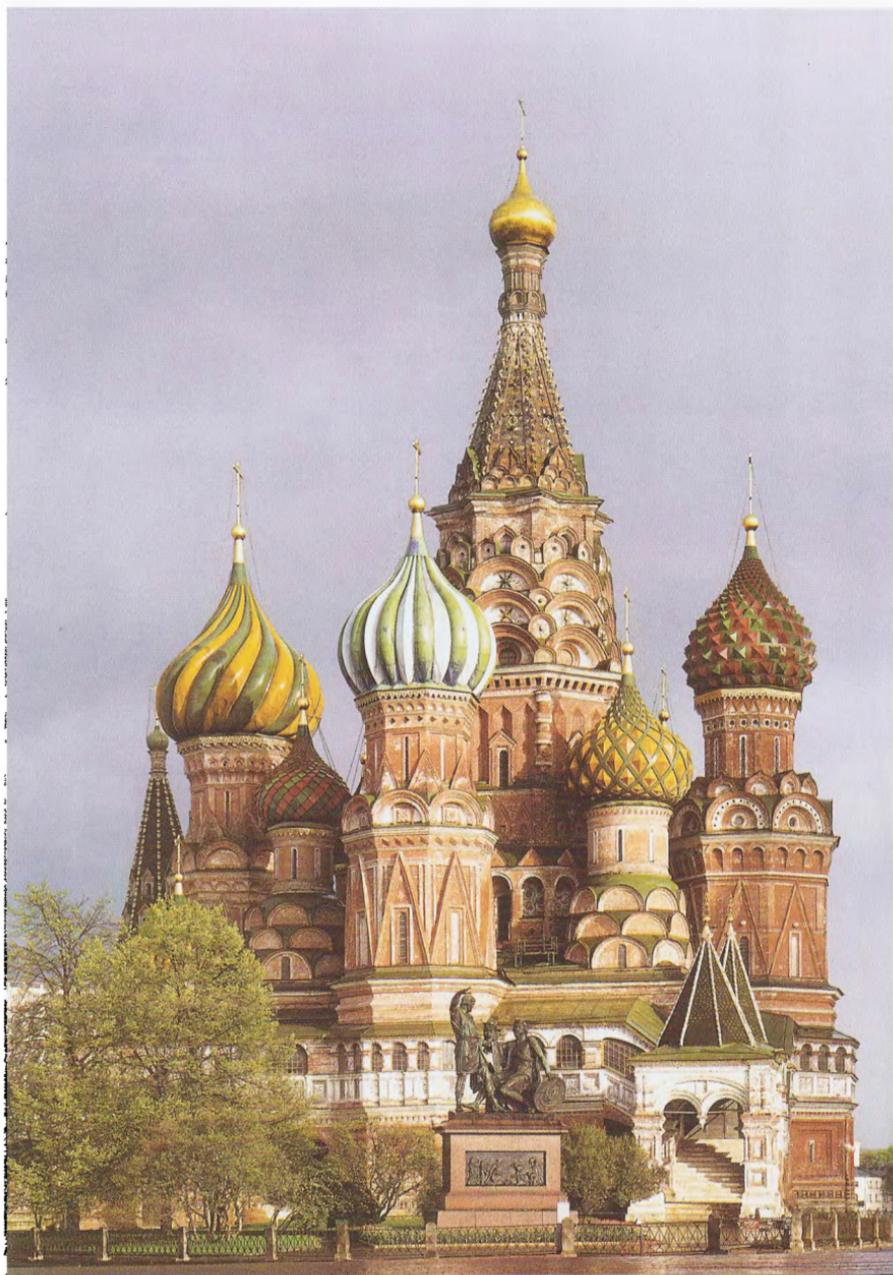

Церковь воинствующая
Икона середины XVI в.

Русские орудия XVI столетия

Покровский собор (Храм Василия Блаженного) в Москве
Возведен в 1555–1561 гг.

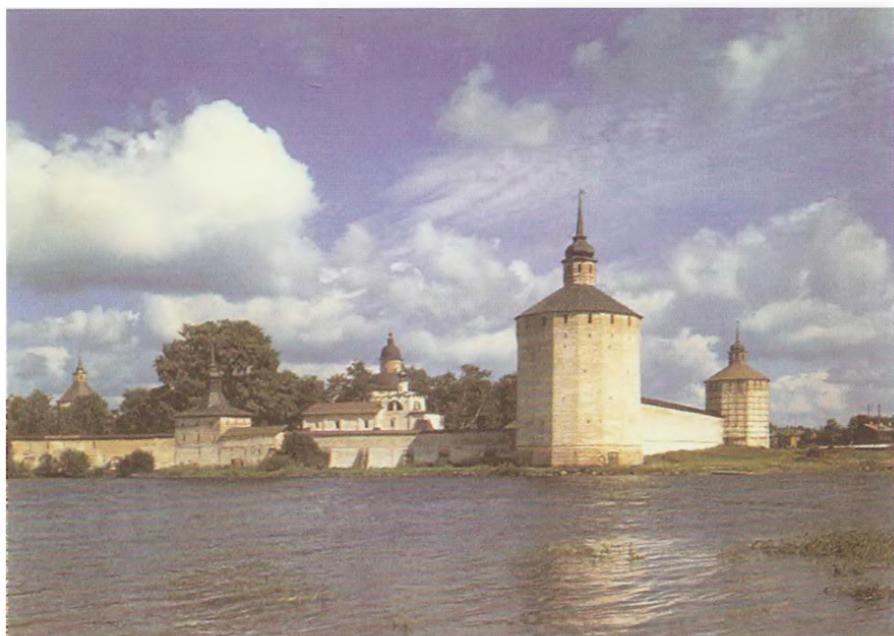
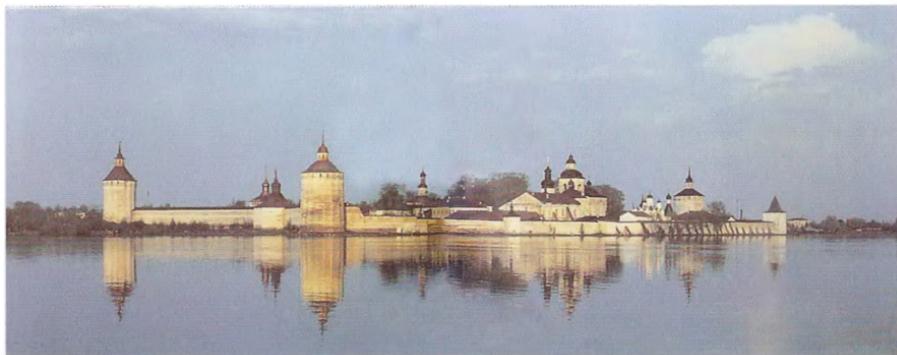
Приезд в Москву литовских послов для заключения перемирия (1542–1549)
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

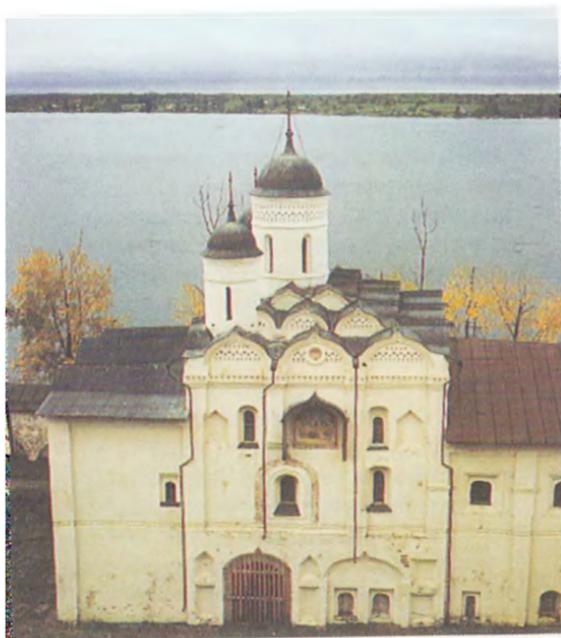
Троице-Сергиева лавра
XVI–XVII вв.

Внутренний вид Успенского собора Троице-Сергиевой лавры

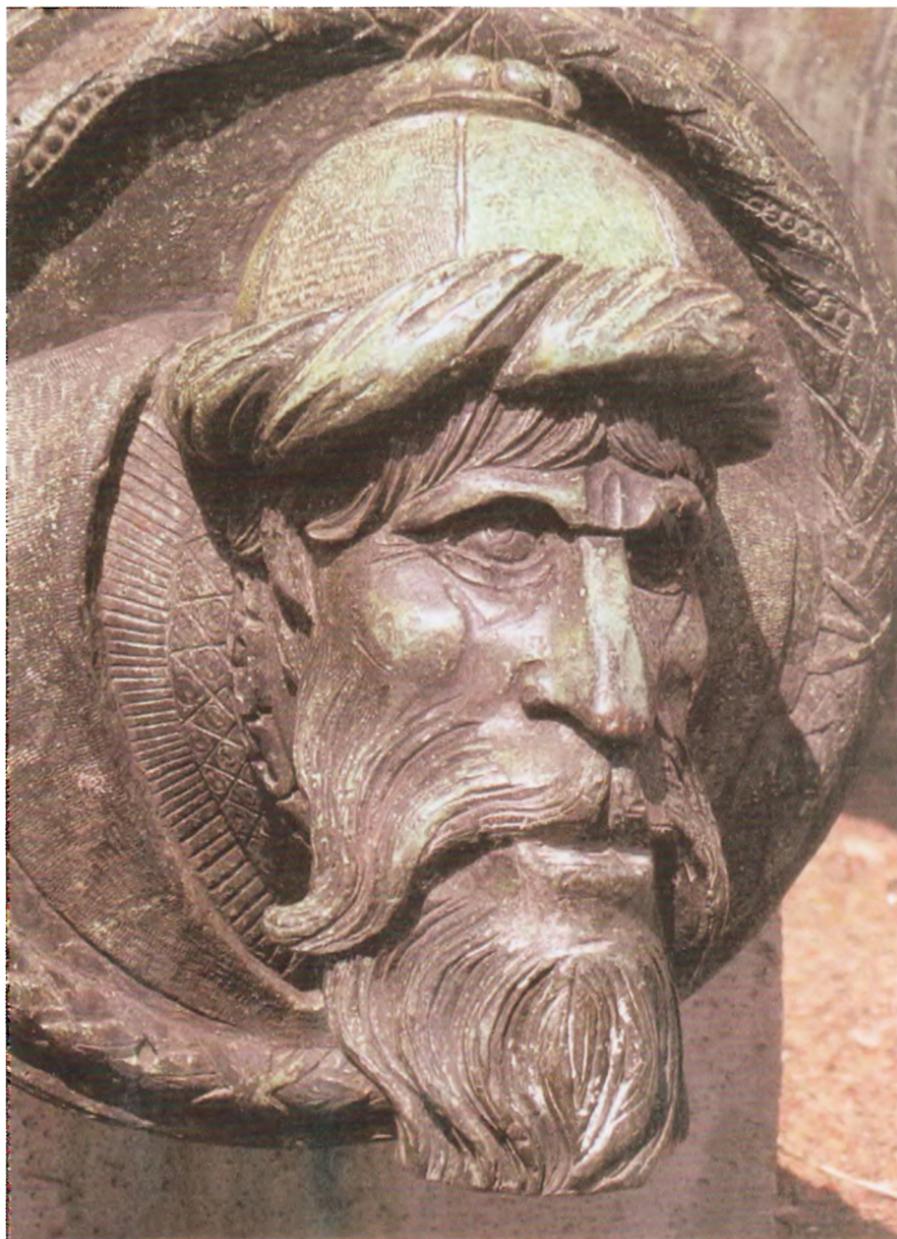
Кирилло-Белозерский монастырь

Церковь Преображения в Кирилло-Белозерском монастыре
XVI в.

Стены Кирилло-Белозерского монастыря

Орудие «Ревельский лев»
*Ливония, 1559. Существует предположение
о портретном сходстве изображенной фигуры с царем Иваном IV*

Орудие мастера Богдана
XVI в.

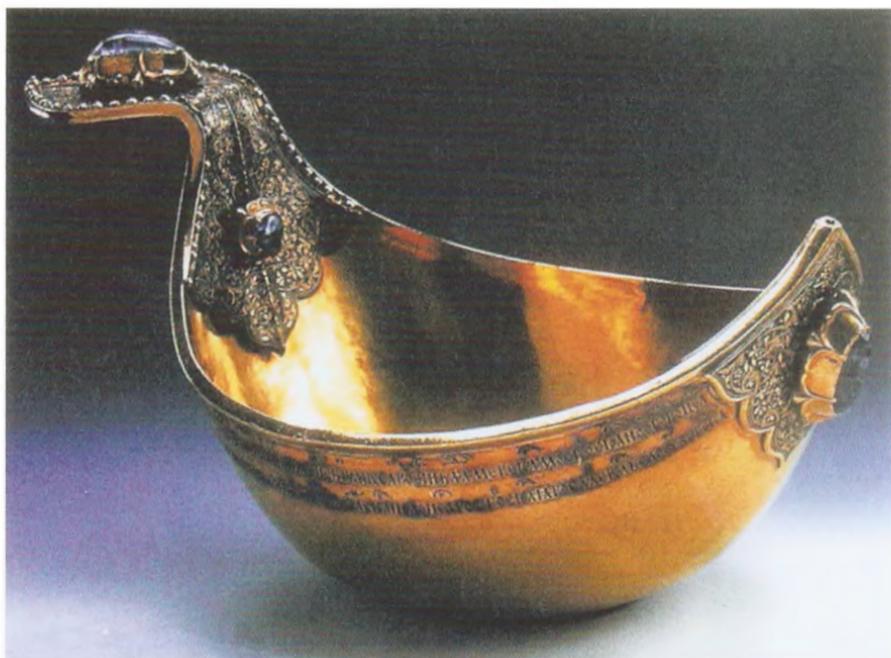
Крест Ефросинии Полоцкой

Золотое блюдо Ивана IV
1561

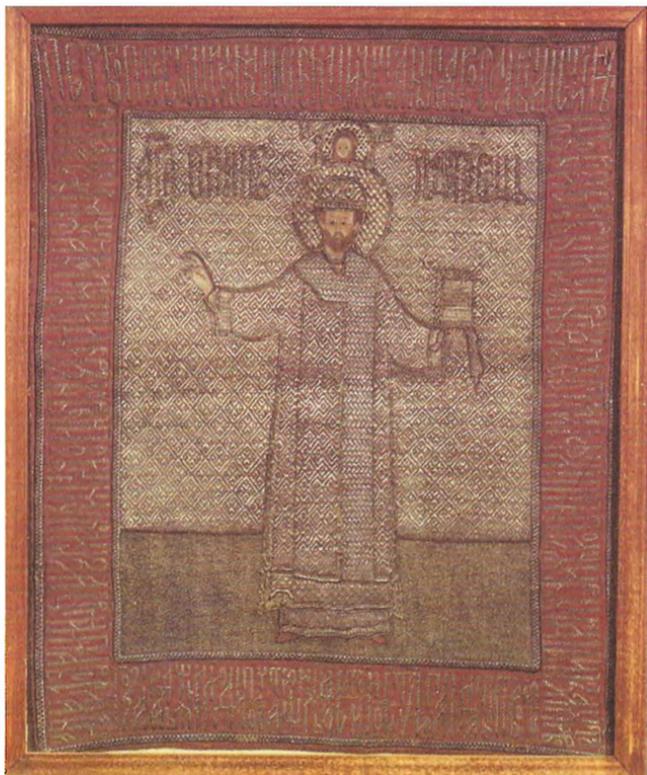
Пир
Миниатюра Радзивилловской летописи. XV в.

Полоцкий ковш
XVI в.

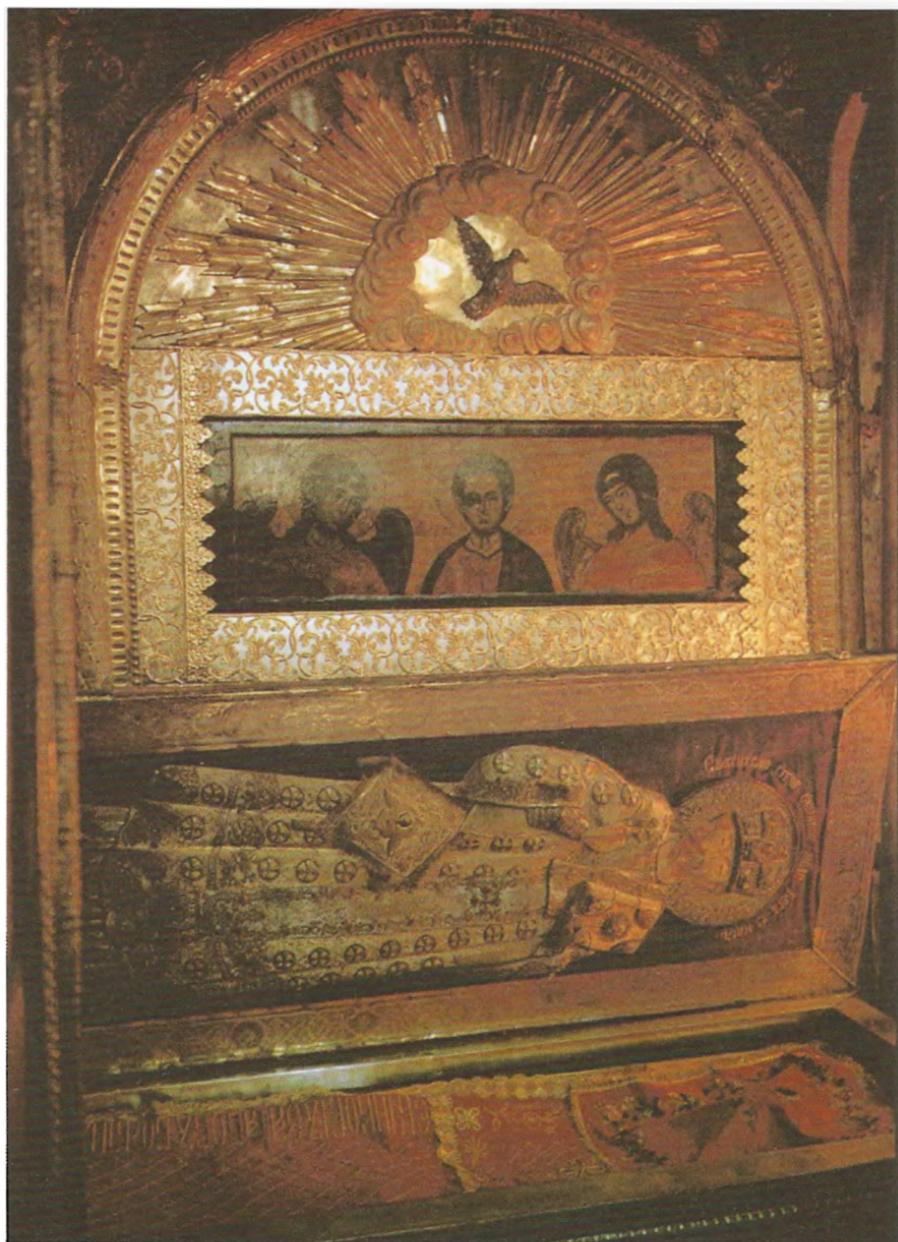
Троицкий собор Александровской слободы
Возведен в 1513 г.

Митрополит Филипп
Пелена XVII в.

Митра
XVII в.

Рака митрополита Филиппа в Успенском соборе Московского Кремля

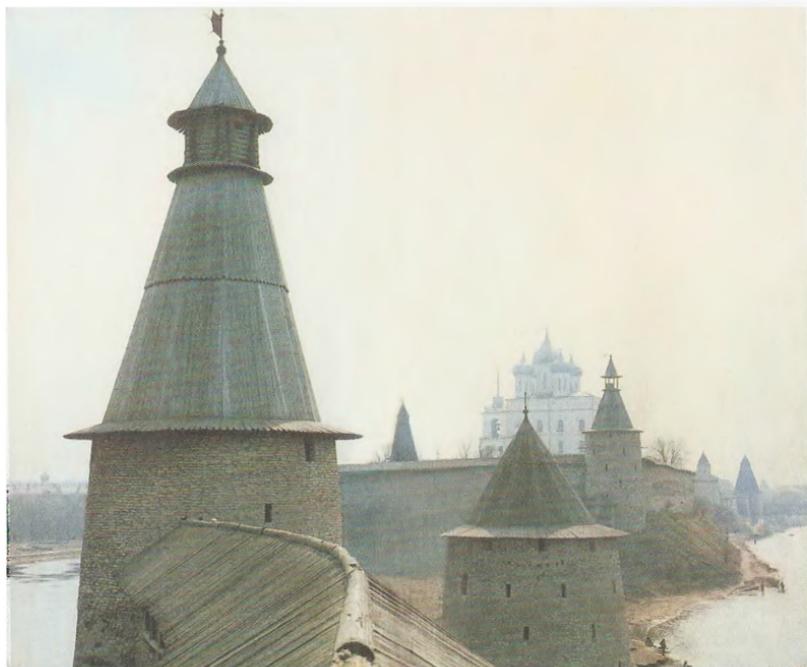
Соловецкий монастырь
Построен в XVI–XVII вв.

Софийский собор в Вологде
Возведен в XVI в.

Царские врата
Вологда. XVI в.

Вид Пскова
Фотография конца XX в.

Софийский собор в Великом Новгороде
Построен в XI в.

Церкви Прокопия и Жен-мироносиц в Новгороде
Возведены в XVI в.

Новгородская звонница
Возведена в XVI–XVII вв.

Анна Ягеллонка, королева Речи Посполитой
Портрет XVI в.

Елизавета, королева Англии
Портрет XVI в.

Аллегорическое изображение морового поветрия в Полоцке
Миниатюра Радзивилловской летописи. XV в.

Иван Грозный
Реконструкция М. М. Герасимова. XX в.

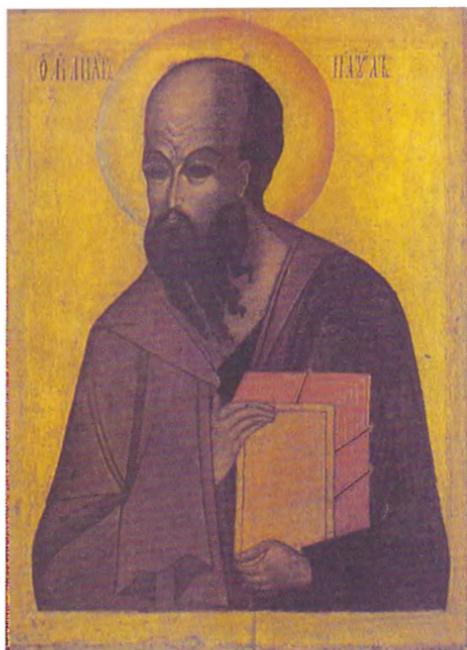
Серебряные копейки с изображением
молодого и старого царя Ивана IV

Федор Иванович, сын Ивана Грозного
Парсуна XVII в.

Царь Давид
Икона конца XV в. Фрагмент

Апостол Павел
Икона XV в.

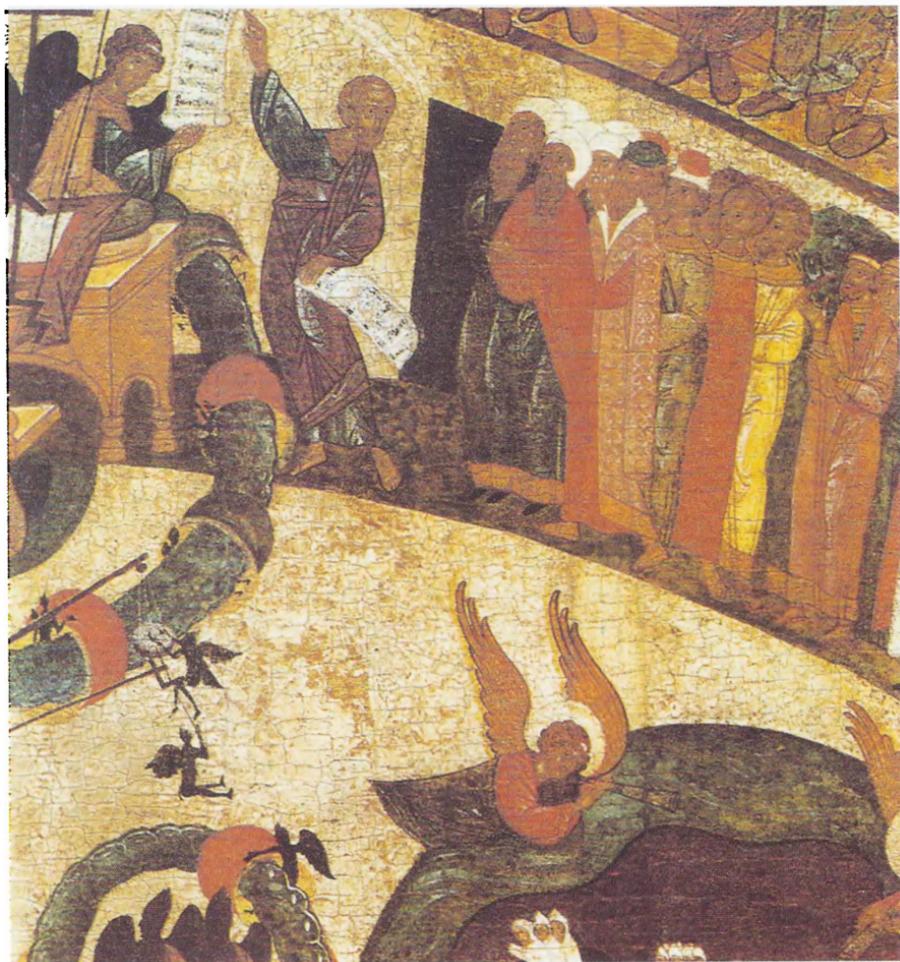
Апостол Павел
Икона XIV в.

Петр и Павел
Икона XV в.

Страшный суд
Икона XV в.

Страшный суд
Фрагмент иконы XV в.

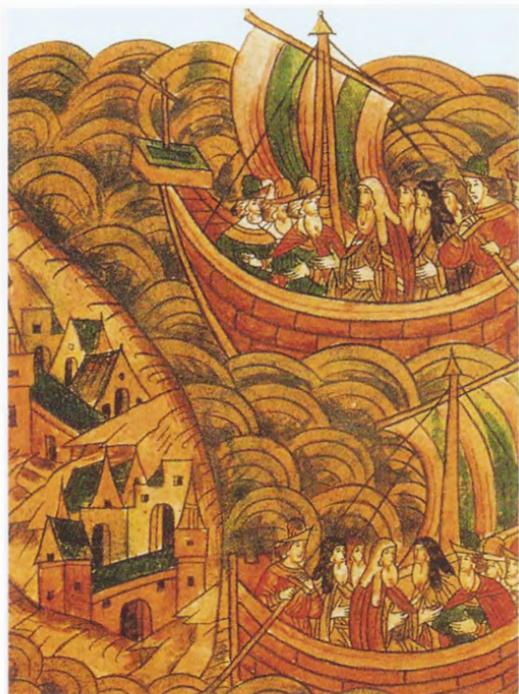
Иван IV
Портрет из Титулярника XVII в.

Русский воин XVI столетия
Реконструкция XIX в.

Образцы костюмов XVI столетия
Реконструкция XIX в.

Путешествие митрополита Пимена в Царьград (1489)
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в. Фрагмент

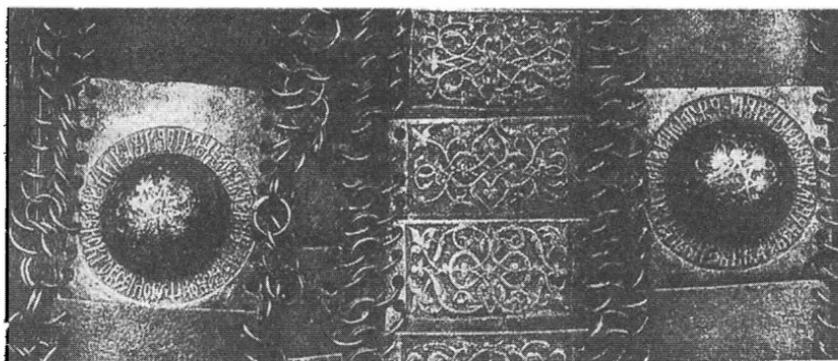
Воины XVI столетия
Реконструкция XIX в.

Царьград (Константинополь, Стамбул)
XVI в.

Иван IV
«Копенгагенский портрет». XVII в.

Фрагмент доспехов князя Владимира Андреевича Старицкого

Ростовского, Дмитрия Немого. По словам доносчиков, шли такие разговоры: «Ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам служити государю малому, и мы учнем служити старому — князю Володимиру Ондреевичю».

Теперь следовало добиться принесения присяги непосредственным претендентом на престол — князем Владимиром Старицким. Первые попытки получить присягу были отклонены, на это Грозный заметил: «То ведаешь сам: коли не хочешь креста целовати, то на твоей душе; што ся станет, мне до того дела нет». Принесшие присягу бояре под угрозой («а не учнет князь креста целовати, и ему оттудова не выйти») заставили Старицкого принести присягу. Теперь надо было, чтобы на крестоцеловальной записи привесили княжескую печать, находившуюся у княгини Ефросинии. Бояре ходили к ней три раза, и она едва «велела печать приложить, а говорила: “что то де за целование, коли невольное?” и много речей бранных говорила»*.

Царь выздоровел, но эти споры у его постели, безусловно, запомнились ему и посеяли в нем сомнения в преданности своего близкого окружения. Действительно, значительная часть бояр лишь под нажимом принесла присягу. Иван IV со всей очевидностью осознал, что его двоюродный брат Владимир Андреевич является естественным соперником любого его наследника, даже независимо от своего желания — просто такова реальность. И не просто соперником, а угрозой для жизни. А тем более, что и сам удельный князь не хотел целовать

* ПСРЛ. Т. 13. С. 523–526; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 32; Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 260.

крест. Для предотвращения подобных эксцессов в будущем с князя Владимира были взяты записи, в которых он обещал верно служить любому наследнику Грозного и сообщать о каждом, ставшем ему известном злом умысле против него, даже если этот умысел будет исходить от собственной матери (тетки Грозного) княгини Ефросинии.

Тревогу вызывали и любимцы — Адашев и Сильвестр. В их преданности себе лично Иван IV стал сомневаться. Благовещенский священник показал себя вероятным сторонником князя Владимира. Было и еще одно, что не может не броситься в глаза, — в рассказе о царской болезни ни словом не упоминается митрополит Макарий — один из виднейших деятелей правительства того времени. Предположить, что он просто не присутствовал при бурных событиях, невозможно: тяжелая болезнь правителя не могла обойтись без присутствия первоиерарха Русской церкви. Вполне вероятно, что и Макарий оказался не в числе сторонников кандидатуры царевича Дмитрия. Просто авторы приписок к летописи не сочли нужным упоминать об этом неприятном для царя факте. О позиции Макария говорит позиция его ставленника Сильвестра.

Что касается Алексея Адашева, то он принес присягу сразу же, вместе с ближними боярами, но о многом говорит позиция его отца — окольничего Федора Адашева. Конечно, с точки зрения государственных интересов, появление на престоле грудного младенца не сулило ничего хорошего стране. Видимо, этим и объясняется позиция Макария, Адашева и Сильвестра. Однако сомнения в личной преданности ближайших советников, как ни странно, не привели к их немедленному удалению. Вероятно, царь еще не считал себя готовым к управлению без помощи Избранной рады. Наоборот, вскоре Федор Адашев становится боярином, Алексей — окольничим, а в конце пятидесятих годов окольничество получает и его брат, известный воевода Данила Адашев. Никаких репрессий против бояр, отказывавшихся присягать, также не последовало.

Но без важных последствий события марта 1553 года пройти не могли. Из этих последствий необходимо выделить следующее: вражду между царицей Анастасией и ее родственниками Захарьиными-Юрьевыми и деятелями Избранной рады. По словам Грозного, его советники Сильвестр и Адашев «на нашу царицу Анастасию ненависть зельную воздвигше и уподобляюще ко всем нечестивым царицам»*. Позиция

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 32.

царицы и ее близких вполне понятна, а их влияние (и влияние их сторонников) было, вероятно, значительно. В таких условиях происходит сближение позиций Адашева, Сильвестра и стоявшего за его спиной митрополита Макария. Это было вполне естественным после того, как они получили общих врагов. Раньше подобной близости не было — их интересы не совпадали по целому ряду проблем, связанных с церковными реформами и финансовой политикой. Теперь же Сильвестр «сдружился» с Алексеем Адашевым, и они, по сообщению одного летописца, «правили» Русскую землю «и сидели вместе в избе у Благовещения»*.

Следующим шагом на пути освобождения Грозного от влияния Избранной рады Курбский называет путешествие по монастырям, проходившее в мае — июне 1553 года, сразу же после выздоровления царя. Поездка совершалась по обету, который дал Иван IV во время болезни. Сначала он с семьей поехал в Троице-Сергиев монастырь. Здесь, по рассказу Курбского, произошла встреча с находившимся на покое знаменитым Максимом Греком, к которому князь относится с нескрываемой симпатией. Максим убеждал монарха не ехать в столь дальнюю поездку, тем более с сыном-младенцем и женой, говорил, что Бог простит, если государь не выполнит обет, лишь бы он потратил время на полезные дела, например устройство вдов и матерей погибших под Казанью воинов. Но другие монахи убеждали Грозного выполнить данное Богу обещание.

Видя, что его советы не имеют действия, Грек предсказал потерю сына в этом пути и передал свое предсказание через протопопа Благовещенского и царского духовника Андрея, Алексея Адашева, князя Мстиславского и самого Курбского. Но царь не прислушался к пророчеству. И действительно, царевич Дмитрий трагически погиб в июне во время путешествия. Все произошло следующим образом: с берега царевича несли на судно. Дмитрия несла на руках кормилица, которую с двух сторон поддерживали «дядьки» (воспитатели) бояре Данила Романович и Василий Михайлович Захарьины-Юрьевы. Младенец выпал из рук кормилицы и попал в воду, его быстро вытащили, но Дмитрий был уже мертв — захлебнулся**.

Однако, с точки зрения Курбского, гораздо большее значение имела не смерть наследника, а встреча, которая произошла у царя в этом путешествии. В одном монастыре находился на покое бывший епископ

* ПСРЛ. Т. 34. С. 181–182.

** Там же. С. 229; Т. 13. С. 232.

Коломенский Вассиан Топорков. Царь, зная, что Вассиан в свое время был советником Василия III, пожелал встретиться с ним и задал единственный вопрос: «Како бы могл добре царствовати и великих и силных своих в послушестве имети?» Ответ епископа был прост — не держать ни одного советника умнее себя, так как «сам еси всех лутчиши». В таком случае «будеши тверд на царстве и всех имети будеши в руках своих». Если же советники будут умнее, то поневоле будешь их слушать. Эти слова Курбский назвал «сатанинским силлогизмом», но Грозному совет понравился — он якобы сказал: «О, аще и отец был бы ми жив, такового глагола полезнаго не поведал бы ми!» Именно в этом совете, по мнению князя, и крылись причины разгоревшегося через несколько лет в России «пожара лютоости»*.

Впрочем, до реального выполнения этого совета было еще долго. Несмотря на попытки Захарьиных поколебать позиции Сильвестра и митрополита Макария, предпринятые в связи с обнаружением ереси осенью 1553 года, их положение оставалось прочным. Напротив, исследователи отмечают ослабление влияния самих Захарьиных, что опять-таки было вызвано отношением к ним царя. Действительно, в марте 1553 года во время династического кризиса они не проявили себя достаточно решительно, а в случайной смерти наследника при желании можно было увидеть их вину. Таким образом, первый кризис 1553 года не привел к падению Избранной рады, но неприятный осадок у царя оставался долго.

Летом 1554 года Грозный имел возможность убедиться в прямой измене приближенных к себе лиц. На границе с Литвой был схвачен князь Никита Семенович Лобанов-Ростовский, сын боярина. Проведенное следствие выявило, что в Литву его посылал отец — боярин Семен — с известием о том, что сам боярин с «братией и племянники» хочет «выехать» на службу королю. Арестованный боярин не стал долго отпираться и признал — собрался бежать из России «от убожества и малаумьства, понеже скудота у него разума». Дальнейшее расследование выявило, что боярин совершил прямую государственную измену, тайно передавая секретные сведения литовским послам, которые незадолго до этого были в Москве. Князь Семен был противником многих правительственных мероприятий — говорил литовцам о том, что «царство оскудело», Казань Россия не удержит, царь «теснит»

* Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 262–272.

«великие роды», приближая к себе «молодых людей». Конкретным примером «утеснения» знати считалась женитьба Грозного на Анастасии — «женился у боярина своего дочер взял понял робу свою и нам как служить своей сестре».

Вскоре выяснилось, что начало измены крылось в событиях марта прошлого, 1553 года. Тогда к Семену Ростовскому приезжали посланцы от князя Владимира Старицкого и его матери, которые призывали боярина служить удельному князю, и «в той думе... многие бояре и дети боярские и княжата и дворяне... были». После выздоровления Грозного приверженцы Старицких думали «чтобы то дело укрыт». Испугавшись разоблачения и последующих репрессий, князь Семен и решился на побег в Литву.

Факт измены члена Боярской думы был налицо, и «царь... поговорил з бояры, по его делом и по его словом осудил его казнити смертию». Обращает на себя внимание то, что Иван IV не сам принимал решение, а судил совместно с боярами, согласно традиции, которая приписывала, что осуждение члена Думы должно проходить при участии бояр. Но приговор не был приведен в исполнение — митрополит Макарий воспользовался правом «печалования» и добился прощения осужденного. Князь Семен Ростовский был послан в тюрьму на Белоозеро. По словам Грозного, Сильвестр с «советниками» «того собаку учал в велице брежение держати и помогати ему всеми благими, и не токмо ему, но и всему его роду»*.

Итак, к середине 1550-х годов царь был уверен в ненадежности и многих бояр, и своих ближайших советников, от которых «чаял прямой службы». На все это наложились и какие-то противоречия по вопросам внешней политики. С началом Ливонской войны Грозный стал считать, что именно «злобесные претыкания» бояр и сторонников Сильвестра и Адашева не позволили добиться того, чтобы «вся Германия была за православием». По словам Ивана IV, любые болезни у царских детей и жены Сильвестр объявлял Божиим гневом за войну с Ливонией**. Возможно, Грозный и преувеличивал. Так, Адашев, один из руководителей внешней политики, последовательно на переговорах проводил линию на подчинение Ордена. Его брат Данила активно участвовал в военных действиях в Прибалтике. Другое дело, что после того, как стала ясна неизбежность вмешательства других

* ПСРЛ. Т. 13. С. 237–238; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 32.

** Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33, 38.

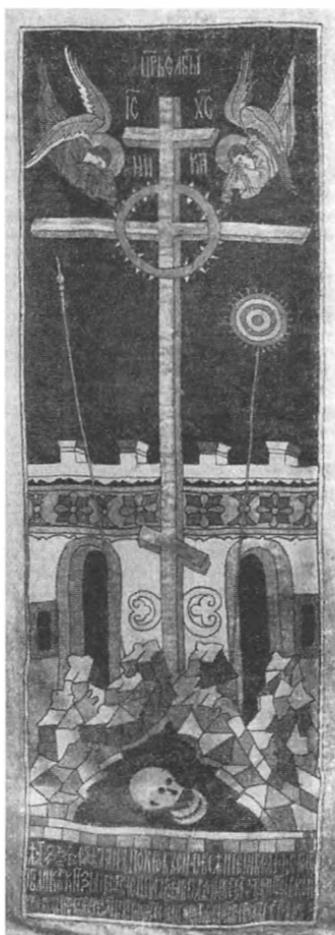
держав в конфликт, деятели Рады, вероятно, предлагали пойти на уступки. В глазах же царя, на Алексее Адашеве лежала непосредственная вина за неудачу в недопущении вмешательства Литвы в Ливонскую войну и за полугодовое перемирие, предоставленное Ордену по просьбе датских послов.

В таких условиях для окончательного разрыва с советниками достаточно было небольшого повода. В октябре 1559 года Грозный с семьей поехал по селам «прохладиться» и на богомолье в Можайск. Вскоре выяснилось, что Орден нарушил перемирие и начал наступление в Прибалтике. Одновременно пришли известия о набеге крымских татар на южные районы страны. Ситуация требовала присутствия царя в Москве, однако быстро попасть в столицу оказалось нельзя — «не возможно было ни верхом, ни в санях: безпута была кроме обычая на много время». В это время заболела царица Анастасия. Иван IV долго вспоминал этот путь. В своем послании Курбскому он специально упомянул «немиловливное путное прехождение» из Можайска в Москву. Там же Грозный вспоминает и какое-то «мало слово непотребно». Что это было за слово — неизвестно. Возможно, между монархом и советниками произошел спор. Как бы то ни было, в Москве царь оказался 1 декабря. Здесь выяснилось, что ситуация на фронте не настолько угрожающая, как казалось ранее, — войска магистра были отброшены от Дерпта.

Но Анастасия была уже серьезно больна. Царь стал считать, что именно советники виноваты в ее болезни, так как простудилась она во время возвращения в Москву, а само срочное возвращение в неподходящую погоду вызывалось просчетами дипломатии (предоставление перемирия, которое ливонцы нарушили), за которую отвечал Алексей Адашев. Велика была в глазах Ивана IV и вина Сильвестра, союзника Адашева. Кроме того, по воспоминаниям Грозного, его лишили надежного средства спасения больной жены — хождения по монастырям, святым местам и обетов. Мало того, по его словам, царице было отказано даже во врачебной помощи, что, вероятно, является преувеличением*.

Когда стало ясно, что болезнь Анастасии серьезна, то советникам царь припомнил все — даже то, в чем они не были виноваты, — события 1553–1554 годов, просчеты во внешней политике, ограничения в быту. Очевидно, не остались в стороне и давние противники Избранной рады Захарьины, к словам которых Грозный теперь был

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33; ПСРЛ. Т. 13. С. 320, 321.

Покров, шитый в мастерской царицы Анастасии
1557

склонен внимательно прислушиваться. В результате в мае 1560 года Адашев был отправлен в действующую армию. Сильвестр же «видевше своих советников ни во что же бывше» по собственному желанию удалился в монастырь*. Очевидно, что удаление из Москвы бывших советников первоначально не считалось опалой, но ситуация вскоре изменилась — царице становилось все хуже.

Причины столь тяжелой болезни Анастасии Романовны остаются неизвестными. К 1560 году она была молодой, ей еще не было тридцати лет. Но, вероятно, организм ее был ослаблен частыми родами: за

* ПСРА. Т. 13. С. 327; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33.

десять с небольшим лет брака она родила 6 детей: дочерей Анну, Марию и Евдокию. Все они умерли в детстве. Сыновей также было трое — захлебнувшийся в 1553 году Дмитрий, царевич Иван, родившийся в 1554 году, и царевич Федор, последний ребенок, родившийся в 1557 году. Кроме того, Грозный постоянно брал ее с собой во время многочисленных поездок по монастырям. Вероятно, все это подрывало здоровье молодой женщины.

В довершение всех несчастий, в июле 1560 года в Москве произошло несколько крупных пожаров. Царица была вывезена в село Коломенское «с великою нужею, занеже болезнь ее бысть велика зело». Кстати, во время этих июльских пожаров Грозный вместе с Владимиром Андреевичем Старицким и боярами «велик подвиг учинил», лично принимая участие в тушении огня. По сообщению одного из иностранцев, из Ливонии была специально вызвана некая вдова Катерина Шиллинг, которой поручили вылечить Анастасию. В случае успеха царь якобы обещал ей пожизненно половину доходов с Дерпта и его округи. Между тем дни Анастасии были сочтены: 7 августа она скончалась. Смерть жены, видимо, тяжело потрясла царя — на похоронах его вели под руки. Огромные средства были выделены для ее поминовения не только в России, но и за границей — в Константинополе, Иерусалиме и на Афонской горе. Вообще же «бяше о ней плач не мал, бе бо милостива и беззоблива ко всем»*.

Вскоре же пошли слухи о том, что смерть царицы была несчастливой. Так, Штаден прямо говорит, что Анастасию отравили. Царь также был уверен, что в смерти его жены виноваты «изменники». Впоследствии, в одном из писем Курбскому, именно этим он объяснял последующий террор: «А и з женою вы меня про что разлучили? Толоко бы вы у меня не отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы не было». Предвидя возражения в том, что свою царицу он не слишком и любил, Грозный заявляет: «а будет молвиш, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, — ино вси есмы человецы». Отвечая царю, Курбский указал, что не мог желать гибели Анастасии, так как она «мне, убогому, ближняя сродница». Впрочем, из сочинений Ивана IV неясно, в чем именно он обвинял своих бывших советников: в отравлении или «околдовании» супруги. Проведенные в девяностые годы XX века исследования останков Анастасии показали наличие большого количества солей ртути, которые применялись в Европе в качестве

* ПСРА. Т. 13. С. 327–328; Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 100.

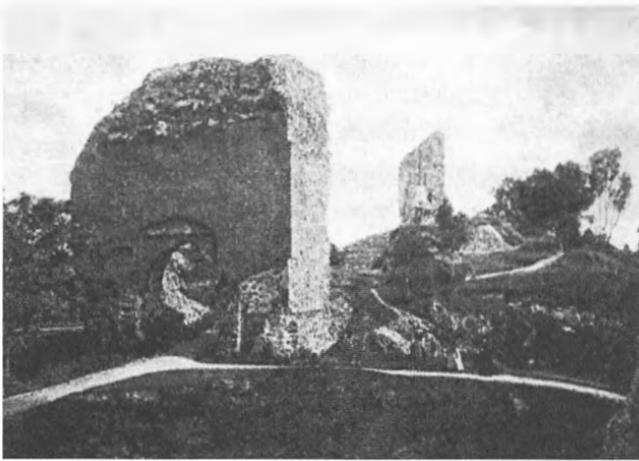

Похороны царицы Анастасии
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

яда. Но как попали эти соли в организм царицы? Действительно ли ее сознательно отравили, или соли ртути входили в лекарства, которыми ее пытались лечить, или попали в организм каким-то другим путем, — остается неизвестным*.

Но царь точно знал, что Адашев и Сильвестр не любили царицу, это еще больше настраивало его против недавних любимцев. Постепенно Грозный стал относиться к ним, как к «ведомым злодеям», запретил своим придворным все контакты с ними, приближенные вынуждены были целовать крест на том, что не будут с ними общаться. Но, вероятно, подобные меры не всех устраивали — у опальных оказалось много друзей и сочувствующих. Как писал Иван IV, «не токмо

* Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 100; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 104, 109; Воронова Н., Панова Т. Химик уточняет историю // Наука и жизнь. 1997. № 4. С. 82–86.

Развалины Феллина
Фотография XX в.

отсташа от тех изменников, но и болми начаша им помогати и всячески промышляти, дабы их на первый чин возвратити».

Между тем боевые действия в Прибалтике шли своим чередом. Крупным успехом русских войск, одним из воевод которых был Алексей Адашев, было взятие важного города Феллина в августе 1560 года. В плен попал и бывший магистр Ордена Вильгельм Фюрстенберг. Одним из воевод в занятом городе по приказу Ивана IV и остался Адашев. По рассказу Курбского, опальный советник пользовался большим авторитетом в Ливонии и многие крепости хотели сдаться ему, так как знали о его доброте*.

Но судьба Адашева была уже решена — никакие успехи на театре военных действий не могли изменить положения. В конце концов Грозный был окончательно уверен в том, что его любимую жену извели чародейством. Прослышав о таких обвинениях, Адашев и Сильвестр стали посылать в Москву послания, требуя возможности открыто очиститься от наветов. Но эти послания не доходили до Грозного, а были перехвачены «льстецами», новыми приближенными царя, среди которых особо выделяются родственники Анастасии Захарьины-Юрьевы. Причем, по свидетельству Курбского, они прямо запугивали царя, убеждая его в том, что очный суд приведет к тому, что они и его

* ПСРЛ. Т. 13. С. 330; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33; Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 314.

околдуют, и он или снова попадет под их влияние, или будет побит камнями, так как народ и войско любят их больше, чем самого Ивана. Соединяя все это с умелой лестью, Захарьины добились заочного суда на совместном заседании Боярской думы и Освященного собора. Специально были приглашены некоторые «прелукавые мнихи» — Мисаил Сукин и Вассиан Бесный. Вероятно, они должны были поддерживать обвинения в колдовстве.

Этот заочный суд был грубейшим нарушением традиций — ведь обвиняемые должны были иметь возможность оправдываться. Тем более что Алексей Адашев был членом Боярской думы — окольниковичем. На это и указал митрополит Макарий. Часть присутствующих согласилась с ним, но другие, «ласкатели» вместе с самим Грозным, отказались, мотивируя тем, что обвиняемые «ведомые сие злодеи и чаровницы велицды, ачаруют царя и нас погубят, аще придут». Курбский изображает дело так, что Адашев и Сильвестр были признаны виновными в колдовстве, однако это вызывает сомнения. Сильвестр оставался еще долгие годы в монастыре и умер, вероятно, своей смертью. Грозный указывал, что хочет судиться с ним в «следующем веке», то есть после смерти.

Алексея же Адашева перевели из Феллина в Дерпт, а вскоре арестовали. Затем он заболел горячкой и умер. Его противники объявили царю, что бывший любимец отравился, опасаясь дальнейших разоблачений и наказания. Для расследования обстоятельств его смерти в Дерпт, или, как его называли русские, Юрьев, была послана специальная комиссия. Очевидно, что слухи о самоубийстве не подтвердились, так как Алексея похоронили в одном из монастырей Углича, в котором покоились и его предки*. Если бы он был официально признан колдуном и самоубийцей, его не могли похоронить в монастыре.

Одновременно были составлены списки родственников и друзей покойного Адашева — все они попали под подозрение как его сторонники и приспешники, помогавшие свергнутым фаворитам держать царя в повиновении. Некоторые из них были казнены. Первой в этом списке Курбский называет некую Марию с пятью сыновьями, обвиненную в колдовстве и единомыслии с Адашевым**. В России наступало новое время.

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33; *Курбский А. М.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 310–318; ПСРЛ. Т. 34. С. 181.

** *Курбский А. М.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 326–328.